

## БЛАГОДАРНОСТИ

Своим появлением на свет эта книга обязана такому количеству приматов, как принадлежащих, так и не принадлежащих к роду людскому, что просто невозможно поблагодарить всех. Основная идея родилась из беседы с Дугом Абрамсом. В то время я размышлял над тем, как приложить мой опыт работы с приматами, которыми я занимался всю жизнь, к человеческому поведению, а Дуг полагал, что бонобо заслуживают куда большего внимания, чем получали до сих пор. Вместе взятые, эти две идеи и привели к появлению книги, в которой напрямую сравнивается поведение людей, шимпанзе и бонобо. «Наша внутренняя обезьяна» в значительно большей степени, чем мои предыдущие книги, рассматривает место нашего вида в природе.

Я высоко ценю замечания, комментарии и предложения по поводу этого текста, полученные от редактора издательства Riverhead Джейка Моррисси, а также Дуга Абрамса, Венди Карлтон и моей жены Катрин Марин. Выражаю

благодарность моему агенту Мишель Тесслер за то, что эта книга попала в такие хорошие руки.

В начале моей карьеры в Нидерландах я имел счастье пользоваться поддержкой своего научного руководителя, Яна ван Хоффа, и его брата — директора зоопарка Бюргерса в Арнеме, Антона ван Хоффа. Я благодарен Роберту Гою, перетянувшему меня на эту сторону Атлантики. В Соединенных Штатах со мной работало так много сотрудников, лаборантов и студентов, что не буду называть их поименно, но я всем им очень обязан за помощь в исследованиях и открытии новых направлений в изысканиях. Наконец, я выражаю благодарность Александру Арриба, Мариетте Диндо, Майклу Хэммонду, Милтону Хэррису, Эрнсту Майру, Тосисаде Нисиде и Эми Пэриш за всевозможную помощь, а также Катрин за ее любовь и поддержку.

**М**ожно вытащить обезьяну из джунглей, но джунгли из обезьяны — никогда.

Это относится и к нам, двуногим обезьянам. С тех пор как наши предки жили на деревьях, перепрыгивая с ветки на ветку, нас непреодолимо тянет к существованию в небольших группах. Нам не приедаются бьющие себя в грудь политиканы, звезды мыльных опер, заводящие одну любовную интрижку за другой, нам нравятся реалити-шоу, в которых участники или вылетают из проекта, или проходят в следующий тур. Можно было бы просто посмеяться над всем этим обезьяньим поведением, если бы не тот факт, что наши родственники-обезьяны относятся к борьбе за власть и секс так же серьезно, как и мы.

Однако у нас с ними гораздо больше общего, чем стремление к власти и сексу. Чувство общности и способность к сопереживанию, то есть эмпатия, в равной степени важны, но о них редко упоминают как о части нашего биологического наследия. Мы с куда большей готовностью виним



природу за те черты, которые нам в самих себе не нравятся, чем благодарим за те, которые ценим и уважаем. Вспомним известное высказывание Кэтрин Хепбёрн в фильме «Африканская королева»: «Природа, мистер Оллнат, — это то, над чем мы должны в этом мире возвыситься».

Такое представление во многом сохраняется у нас до сих пор. Среди миллионов страниц, написанных о человеческой природе за столетия, нет ничего более унылого — и ошибочного, — чем утверждения последних трех десятилетий. Мы слышим, что наши гены эгоистичны, что человеческая добродетель не более чем притворство и что мы поступаем нравственно только для того, чтобы произвести впечатление на окружающих. Но если люди заботятся лишь о собственном благе, то почему младенец, проживший на свете всего один день, плачет, слыша плач другого ребенка? С этого и начинается эмпатия. Возможно, этот пример не слишком мудреный, зато мы можем быть уверены, что новорожденный уж точно не пытается ни на кого произвести впечатление. Нам от рождения присущи побуждения, влекущие нас к другим существам и впоследствии заставляющие привязываться к ним и заботиться о них.

Свидетельством древности этих побуждений является поведение наших родственников-приматов. Поистине удивительны бонобо, малоизвестный вид обезьян, столь же близкий нам генетически, как и шимпанзе. Когда Куни, самка бонобо из зоопарка Твикросс в Великобритании, увидела, что о стеклянную стену ее вольера ударился скворец, она подошла помочь ему. Подобрав оглушенную птицу, Куни осторожно попыталась поставить ее на ноги. Скворец не пошевелился, и она легонько его подбросила, но бедняга едва трепыхал крыльями. Тогда, с птицей в руке,



Куни залезла на верхушку самого высокого дерева и обхватила ствол ногами, высвобождая руки, чтобы держать скворца. Она осторожно расправила ему крылья, взявшись за их кончики обеими руками, и только потом направила птицу, словно маленький игрушечный самолетик, в сторону стенки вольера. Но бедняге не хватило пространства, и он приземлился на краю рва. Куни спустилась и долго стояла, наблюдая за скворцом и защищая его от любопытного обезьяньего детеныша. К концу дня оправившаяся птица благополучно улетела.

То, как Куни обращалась с этим скворцом, разительно отличалось от того, что она сделала бы, помогая другой обезьяне. Она не следовала какому-либо жестко запрограммированному паттерну поведения, но, оказывая помощь, подстроила свои действия к конкретной ситуации животного, совершенно не похожего на нее саму. Должно быть, птицы, пролетающие мимо вольера, навели ее на мысль, какая помощь нужна в этом случае. О такой разновидности эмпатии у животных практически нет информации, поскольку она основывается на способности представить себе жизненную ситуацию другого существа. Адам Смит, основоположник экономической теории, вероятно, имел в виду поступки, подобные действиям Куни (совершаемые, правда, не обезьяной), когда более двух веков назад предложил нам самое долгоживущее определение сопереживания как «способность переноситься воображением на место страдающего»<sup>\*</sup>.

Возможность того, что эмпатия является частью нашего обезьяньего наследия, должна была бы нас обрадовать, однако не в наших привычках признавать и принимать все

---

<sup>\*</sup> Смит А. Теория нравственных чувств. — М.: Республика, 1997.



стороны собственной природы. Когда люди совершают геноцид, мы называем их «животными» или «зверями». Но когда кто-то помогает бедным, мы восхваляем его за «гуманность». Нам нравится приписывать второй из этих видов поведения только самим себе. Пока однажды человекообразная обезьяна не спасла представителя нашего вида, общественное сознание не допускало возможности существования гуманности у кого-либо помимо людей. Это произошло 16 августа 1996 г.: восьмилетняя самка гориллы по имени Бинти Джуа помогла трехлетнему мальчику, упавшему с высоты более 5 м в обезьяний вольер в Чикагском зоопарке Брукфилда. Бинти среагировала моментально — подобрала малыша и отнесла его в безопасное место. Она уселась на бревно возле ручья, держа ребенка на коленях, несколько раз ласково погладила его и отдала зрителям зоопарка. Этот простой акт сочувствия, заснятый на видео и разошедшийся по всему миру, тронул сердца многих людей, а Бинти прославили как героиню. Впервые в истории США обезьяна фигурировала в речах ведущих политиков, сделавших из нее образцовый пример сострадания.

### Двуликий Янус человеческой природы

Тот факт, что поведение Бинти вызвало такое удивление у людей, многое говорит о том, как животные обычно изображаются в средствах массовой информации. На самом деле она не совершила ничего из ряда вон выходящего — или, по крайней мере, ничего, что человекообразная обезьяна не сделала бы для любого детеныша собственного вида. В то время как в современных документальных фильмах о природе центральное место занимают свирепые и кро-



вожадные твари (или отважные мужчины, повергающие их наземь), я считаю жизненно необходимым рассказать об истинной глубине и многообразии нашей связи с природой. Эта книга исследует восхитительные и пугающие параллели между поведением приматов и нашим собственным, уделяя равное внимание хорошему, плохому и отталкивающему.

Нам выпала счастливая возможность изучать двух близких родственников-приматов, причем различающихся как ночь и день. Одни — угрюмые и грубые на вид амбициозные типы, плохо контролирующие агрессию. Другие — эгалитаристы и любители беззаботной жизни. Все без исключения слышали о шимпанзе, они известны науке с XVII в. Их иерархическое и жестокое, вплоть до убийств, поведение породило распространенное в обществе представление о людях как «обезьянах-убийцах». Некоторые ученые говорят, что таково наше биологическое предназначение: захватывать власть, подавляя других, и вести непрерывные войны. Я был свидетелем достаточного количества кровавых стычек среди шимпанзе, чтобы согласиться с тем, что у них есть склонность к жестокости. Но мы не должны игнорировать других наших ближайших родственников — бонобо, открытых только в прошлом веке. Бонобо — орава беспечных весельчаков со здоровым сексуальным аппетитом. Миротлюбивые по натуре, они опровергают представление о том, что наша эволюционная ветвь сплошь кровожадные убийцы.

Не что иное, как эмпатия, позволяет бонобо понимать нужды и желания других и помогать их удовлетворять. Когда двухлетняя дочь самки бонобо Линды захныкала перед матерью, надув губы, она продемонстрировала свое жела-



ние, чтобы ее покормили грудным молоком. Но эта малышка росла в детском отделении зоопарка и была возвращена в группу уже после того, как у Линды закончилось молоко. Однако мать поняла ее и направилась к фонтанчику, чтобы набрать в рот воды. Потом она села перед дочерью и сложила губы трубочкой, чтобы малышка могла из них пить. Линда повторила свой поход к фонтанчику три раза, пока дочь не осталась довольна.

Мы восхищаемся таким поведением — и само по себе оно является примером эмпатии. Но та же самая способность понимать других делает возможным и умышленное причинение им вреда и боли. И сочувствие, и жестокость базируются на способности индивида представлять, как его собственное поведение влияет на других. Животные с небольшим мозгом, такие как акулы, без сомнения, могут вредить и причинять боль другим, но они делают это без малейшего понятия о том, что те могут чувствовать. А мозг человекообразных обезьян по размеру составляет треть от нашего, что делает его достаточно сложным для проявления жестокости со стороны его обладателей. Так же как мальчишки бросают камни в уток в пруду, человекообразные обезьяны иногда причиняют боль ради забавы. В одной игре лабораторные шимпанзе-подростки подманивали хлебными крошками кур, бродящих за забором. Каждый раз, когда доверчивые куры подходили, шимпанзе били их палкой или тыкали острым куском проволоки. Эту танталову игру — а куры оказались настолько глупы, чтобы ее продолжать (хотя для них это уж точно не было игрой), — шимпанзе придумали просто от скуки. Они отточили ее до такого уровня, что один приманивал кур, а другой бил.



Крупные высшие обезьяны (по-английски *apes*) настолько похожи на нас, что их так и называют «человекообразные». У нас, людей, есть два близких нам родственных вида с поразительно разным устройством сообществ, и это чрезвычайно познавательно и поучительно. Жадный до власти, свирепый шимпанзе является полной противоположностью миролюбивому эротоману-бонобо — это своего рода доктор Джекилл и мистер Хайд обезьяньего мира. Наша собственная натура — непростой и шаткий альянс этих двух сторон. К сожалению, темная сторона в нас слишком очевидна. Согласно подсчетам, только в XX в. 160 млн человек погибли в результате войн, геноцида и политических репрессий — и все это из-за человеческой способности к жестокости. Еще более ужасающими, чем эти невероятные числа, являются индивидуальные проявления человеческой жестокости, такие как чудовищное происшествие 1998 г. в небольшом тexasском городке, когда трое белых мужчин предложили 49-летнему чернокожему мужчине подвезти его до дома. Но вместо этого они увезли его на пустырь и избили, а затем привязали к своему грузовику и протащили несколько километров по асфальтовой дороге, оторвав при этом голову и правую руку.

Мы способны на такую дикость вопреки — или, возможно, именно *вследствие* — нашей способности представлять, что чувствуют другие. И в то же время, когда эта способность сочетается с позитивным отношением к людям, она побуждает нас посылать продукты голодающим, героически спасать абсолютно незнакомых людей (например, во время землетрясений и пожаров), плакать, когда кто-то рассказывает печальную историю, или присоединяться к поисковой партии, если пропадает соседский



ребенок. Обладая обеими этими сторонами, жестокой и сострадательной, мы уподобляемся двуликому Янусу: два наших лица смотрят в противоположные стороны. Это может настолько запутывать и обескураживать, что порой мы слишком упрощенно представляем, кто мы такие, объявляя себя «венцом творения» или воображая единственными истинными злодеями.

Почему бы не признать, что мы являемся и теми и другими? Эти два аспекта нашего вида соответствуют качествам наших ближайших ныне живущих родственников-обезьян. Шимпанзе так хорошо демонстрируют жестокую сторону человеческой натуры, что очень немногие ученые вообще пишут об их противоположной стороне. Но при этом мы крайне социальные существа, доверяющие друг другу и действительно нуждающиеся во взаимодействии с другими людьми, чтобы вести здоровую и счастливую жизнь. Самое суровое, после смерти, наказание для нас — одиночное заключение. Наши тела и умы не созданы для жизни в одиночестве. В отсутствие человеческого общества мы становимся безнадежно подавленными, наше здоровье ухудшается. В одном из недавних медицинских исследований здоровые добровольцы, подвергавшиеся воздействию холода и заражению вирусами гриппа, быстрее заболели, если рядом с ними было меньше друзей и родных.

Эта необходимость во взаимосвязях женщинам понятна от природы. У млекопитающих родительскую заботу невозможно отделить от выкармливания молоком. На протяжении 180 млн лет эволюции млекопитающих самки, удовлетворявшие потребности своих детенышей, производили больше потомства, чем равнодушные и отстраненные. Нас, произошедших от длинной череды матерей, которые нянчи-